

совершен но иначе. Не религіозная, не экономическая, а национальная сторона вопроса должна быть выдвинута на первый планъ. Та самая сторона, которую выдвинулъ и Петръ Великий.

Передъ нами двѣ націи. Одна старая, умная, видавшая на свое мѣсто вѣку и счастье, и горе; нація, выработавшая прочные устои семейные, религіозные; нація, крѣпкая своей внутренней солидарностью и, если хотите, нравственной чистотой,—да, я признаю это.

А съ другой стороны нашъ народъ, чуть-чуть за рождающійся, еле выходящій изъ пеленъ исторіи; народъ, не только не пережившій ничего, но еще мало испробовавшій; народъ свѣжій, мягкий, безъ устоеvъ и значительно ниже стоящій по многимъ нравственнымъ качествамъ своимъ.—Ни семейныхъ, ни религіозныхъ основъ у него прочныхъ нѣть еще; вместо солидарности царить непонятная чисто-дѣтская вражда, взаимная съ ненужнымъ ухарствомъ и бахвалствомъ; цѣли народныя не выяснены, міросозерцаніе не установлено...

И вотъ не угодно-ли,—при встрѣчѣ этихъ двухъ націй,—на чьей сторонѣ можетъ быть побѣда? Не надо быть особеннымъ пророкомъ и прозорливцемъ событий, чтобы предугадать печальный исходъ для слабой стороны.

Нашъ народъ не выдержитъ борьбы и поддастся.

Онъ утонетъ въ старомъ еврейскомъ морѣ и растворить въ немъ свою молодую, еще мало жившую душу.

Вотъ что опасно и вотъ чего боится всякое честное, русское сердце, содрогающееся при мысли о возможной гибели.—Я знаю, вы мнѣ скажете, что въ этомъ еще ничего страшнаго нѣть, что если еврейскій народъ чище и нравственнѣе русскаго, то кому отъ этого плохо будетъ, когда русскій народъ поддастся вліянію его и самъ сдѣлается чище и нравственнѣе. Я знаю это, но долженъ вамъ сказать, что народная жизнь еще болѣе щепетильна, чѣмъ жизнь отдельной личности, и не вся кому пріятно подражать. Русскій народъ желаетъ ше-